

ТАТИНА БЕРЕЗА

(Статья из книги «Наша Николина Гора». Том 2)

Для одних Николина Гора — недосягаемая мечта, для других — недавно построенный и поначалу пустой и гулкий, а теперь обжитой особняк, для третьих — знакомая с младенчества небольшая родительская дачка, а для меня — маленькая береза, наклонившаяся до самой земли. Почему? Об этом я сейчас расскажу.

Мы, внуки, называли ее Тата. Тривиальное «бабушка» было к этой женщине неприложимо. Когда я вспоминаю ее, то всегда сначала вижу ее руки — небольшие, красивые, «умные руки», как она сама говорила. А потом возникает милое, в морщинках лицо, с раннего утра изящно уложенные голубоватой волной седые волосы и чуть прищуренные, умные, все видящие и понимающие глаза. Она была удивительна, неповторима. Есть женщины творческие, есть примерные матери, есть мудрые жены, есть хорошие хозяйки, но чтобы все это совмещалось — такого я не видела ни до Таточки, ни после нее. Наталья Петровна Кончаловская — внучка, дочка и жена знаменитостей. Можно ли было при этом состояться? Не оказаться раздавленной весом чужой славы и регалий? Она смогла.

Ее небольшой дом на Николиной Горе, сложенный из золотистых бревен и аккуратно обшитый снаружи коричневыми досками, был светел и уютен. По ночам в нем таинственно поскрипывали половицы и потрескивал огромный старинный буфет карельской березы, наполненный сладостями. По утрам звучали канареечные трели, музыка Рахманинова и голоса внуков. А по вечерам, на открытой террасе с белой балюстра-

дой, увитой виноградом, собиралась на чаепитие вся большая семья. Тата жила по раз и навсегда установленному распорядку. Мне он был хорошо знаком, потому что каждый раз, когда мой папа — Юлиан Семенов — в очередной раз уезжал в дальнюю командировку, выходные я проводила на Николиной. Спала в Татиной комнате, на раскладушке у русской печки, расписанной молодой художницей смешными жанровыми сценками. Поднималась Тата в шесть утра. Молилась. Сквозь сон я слышала ее еле слышный шепот: она стояла на коленях перед киотом. Я переворачивалась на другой бок и, свернувшись калачиком, снова засыпала. Поставив в духовку хлеб, который она с вечера замесила, и позавтракав — завтрак состоял из половинки грейпфрута, чашки кофе, и двух кусочков подсушенного хлеба с тончайшими ломтиками сыра, Таточка садилась писать очередную увлекательную книжку для детей. К девяти часам, решив, что хватит мне валяться, она срывала покрывала с клеток с радостно попискивающими канарейками, раздвигала плотные полосатые шторы, ставила пластинку с первым концертом Рахманинова, и дом наполнялся пением птиц, музыкой и светом. До полудня Тата продолжала работу за столиком карельской березы с двумя лирами черного металла по бокам, потом ставила на плиту гречку, готовила на французский манер салат — это было священнодействием, которому она учила всех внучек. Салат срывался с грядки, мылся, сушился в заморской сушилке, врашавшейся со страшным грохотом и рычанием, резался вместе с помидорами, по-